

Эрика Шмидт

Воспоминания о России

Россия... Нескончаемый ряд картин возникает передо мной, безграничный и многоплановый – впечатляющий фильм без начала и без конца. Страна, богатая неисчислимыми природными сокровищами и до сих пор нереализованными неизмеримыми возможностями – будут ли они когда-нибудь воплощены в жизнь и как? Действительно ли окажутся правы русские сказители, страстно предсказывающие и ожидающие великую миссию России, исходящую из глубин русской души?

Россия...

Страна разительнейших противоположностей: во всех отношениях, начиная с географии.

Ледяной холод Полярного края, безнадежная мрачная зима, которой нет конца. Короткие летние месяцы с жалким временем скупого цветения. А на другом конце – наполненный светом жаркий берег Чёрного моря с чарующей красотой своей богатейшей южной флоры - пальмами, магнолиями и розами. Безграничные просторы выжженной солнцем пустыни в Туркестане – и такие же безграничные просторы сочно-зелёной степи, где нет ничего, кроме безбрежного голубого неба. Леса с дурманящим запахом цветущих пихт, опьяняющим одинокого всадника, с трудом следующего по узкой тропе, которая ведёт его головокружительным лабиринтом по непроходимой чаще; он вынужден сам проторять себе путь, уводящий его всё дальше и дальше, в неведомую бесконечность. И, наконец, вздымающийся гигантом между зеркальными чашами обоих морей могучий горный мир Кавказа с его глубокими ущельями и срывающимися с высоты стремительными горными потоками. Сплошные противоположности.

В Сибири до твёрдого камня промерзают мясо, рыба и всеми любимая квашеная капуста, а также знаменитые сибирские пельмени - до 40 градусов по Реомюру ниже нуля! И на этом же самом месте в глуте континентального короткого лета вызревают огромные арбузы, сладкие и сочные. Краткосрочное лето - но какая при этом жизнь! Желая как можно больше успеть сотворить между двумя вечнодлинными зимами, рассыпает лето свои приветы изобилием красивейших цветов. Дикой красотой расцветают здесь растения европейских садов и парков. С возрастающей жизнеспособностью горят красно-цветущие «огонёчки» отведённый им природой летний период.

Контрасты повсюду!

А у людей?

Один лишь тоненький слой.

По величине это практически ничто по сравнению с огромной подавляющей массой народа. Ещё имелись потомки бывших завоевателей, которые более чем тысячелетие назад вторглись на эту землю. «Рюрик из варягов» называли они с гордостью своих праотцов. Северно-славянское дворянство, славянско-татарское дворянство: ухоженное, хорошо воспитанное, перезревшее на бестерриториальной цивилизации, вечно кочующее с Азии в Россию и из России в Европу. И в том числе среди них миллионы и миллионы простого народа, желавшие стать людьми, даже не осознавая этого. А между обоими, здесь и там, всегда пробиваясь вверх как извержение вулкана – армия «интеллигенции», которая часто сама не знала, куда примкнуть – наверх или вниз? – противоположности были слишком огромны.

А различные народности?

Великороссы – «доминирующий, господствующий» народ. Большею частью высокорослый, блондинистый и голубоглазый. Также смешанный с остатками готов на нижней Волге. Набожный и хитрый, трудолюбивый и ленивый, предприимчивый и

инертный, поверхностный и тем не менее целостный, безобидный по виду, но внутри покоряющийся судьбе и это осознающий. Народ, полный противоречий в самом себе.

Финны – серьёзные, с тяжёлой душой на своём скудном, отвоёванном у гранита куске земли.

Поющие, всегда склонные к игре и танцу *малороссы (украинцы)*, люди плодородных жирных степей, единственные россияне, имеющие чувство юмора.

Языческие, хотя и большей частью крещённые *киргизы*, вывешивающие пёстрые лоскуты на своих заборах в честь богов и для отпугивания опасностей.

Запорожские козаки – наполовину татарские предводители, наполовину западно-европейские рыцари.

Калмыки, татары, грузины, евреи – кто перечислит всех?

И на севере и на юге, на востоке и на западе ухоженные поля, дома и сады немецких поселенцев, раскиданные оазисы порядка и скромной красоты, часто среди пустоши.

Противоположности – повсеместно, на каждом шагу.

Но я сама давно уже растерялась и запуталась. Я заблудилась, как это возможно только в России. Так что же я хотела сказать? Ах да.

Москва.

Мадам де Сталь „*Rome tartare*“. Москва со своими «кирхами и кнайпами, церквями и кабачками», со своими старыми кремлёвскими стенами и роскошными улицами, со своими дворцами, реликвиями, святыми могилами и иконами, со своими феодальными парками и огромными увеселительными местами для народа. Москва со своими хатками на окраинах и пышными дворцами и магазинами, заполненными драгоценностями, в центре. Москва – большой торговый город со своим многонациональным купечеством. Все купцы становились в нём богатыми: русские и немцы, французы и голландцы, евреи и татары. Даже англичане вписывались в стиль этого города, великодушного и щедрого. Каждому в Москве позволялось говорить и молиться так, как он того желал, если при этом не нарушались покой и устои трона и христианства. Тем не менее Москва втягивала всех в сферу своего неотразимого влияния и формировала каждого на свой лад.

Петербург казался строже.

Тем не менее он не формировал людей, во всяком случае, русских!! В северной столице витал иной дух, люди там были серьёзнее и неподступнее. Петербург немножко посмеивался над Москвой, и Москва не любила Петербург.

Между обеими столицами лежала ровная земля, где мало что чувствовалось от жизни этих двух оплотов. Правда, туда ездили, чтобы развлекаться или учиться. Во всём огромном государстве было лишь шесть высших учебных заведений. В основном все были так далеки от них!

Кругом шла и велась своя собственная жизнь.

У нас, меня и моих сестёр, отчий дом был немецким. Мы выросли из детских тувелек в центре русского окружения, *говоря по-немецки*. Далее началась русская школа, где учили русский язык. Но нашим миром навсегда оставались Бах и Бетховен, Гёте и Бисмарк, Лютер и Пауль Герхардт. Тем не менее во все окна нашего дома смотрел на нас другой мир. Это была Волга, великий мощный водный путь, манящий в таинственную даль. «Матушка Волга», достигавшая своими огромными притоками до Урала и обласканная Каспийским морем. Мы любили эту реку, любили крестьянина, возвращавшего на берегу рожь и гречу на узкой длинной полоске земли. Мы любили старого паромщика, перевозившего нас на другой берег. В зимнее время мы любили нестись на быстрых маленьких санях по сверкающему снегу. И все, кто окружал нас, – крестьянин, паромщик, извозчик – все они рассказывали нам о своей жизни, а мы слушали их живописные рассказы и завораживались взаимосвязью с природой этого

неведомого для нас образа жизни. Мы любили большой лес, одинокую деревню. Что-то невысказанное, вопросительно-загадочное лежало надо всем.

И вот однажды мы оказались лицом к лицу с великой русской литературой, которая не захотела быть «искусством для искусства», а стала вскриком, единственным клапаном русской души для выравнивания и сглаживания внутреннего напряжения, единственной возможной попыткой разрешения всех противоречий и дисгармоний.

Русские писатели были народными. Аристократ Толстой поставил свой высокий литературный дар на службу народу. Его короткие и вместе с тем значимые, состоящие часто лишь из немногих строчек рассказы для букварей, детских книжек и книг для простого люда, - совершенно непереводимые! - отличаются бесподобной наглядностью, привлекательностью и языково-поэтической красотой.

Когда на *Волге*, где проходила моя юность, пылали вечерние зори, когда догорали последние огни и над дальними лесами блекло небо, мы знали – где-то там далеко-далеко находится *Германия*, наша истинная отчизна! Страна нашего страстного желания, казавшегося нам недостижимым...

Так и наша собственная жизнь была разделена и полна противоречий, как это возможно только в России.

+ + +

Однажды, будучи ещё ребёнком у бабушки в Ст. Петербурге – он был Наставником сыновей Великого князя Константина Николаевича – я увидела великокняжескую супругу, происходящую из Заксен-Анхальта, *Великую княгиню Александру*. Красивая и породистая дама впору могла задать щекотливый вопрос зеркальцу: «Кайзерша императрица Австрии Элизабет краше, чем я?». Она была женщиной живого ума и высокой души. Вместе с ней я увидела и её невестку, жену одного из сыновей Великую княжну Елизавету, происходившую тоже из Заксен-Анхальта. Несколько лет назад она скончалась в Германии, а в то время это была совсем молодая счастливая мать своего первенца. Её облик светился грациозной красотой, свежестью и весельем.

Наша встреча произошла в Павловске, где во дворце проживал Великий князь *Константин*. Русский царь Павел I, именем которого было названо место, получил этот дворец в подарок от своей матери, царицы Екатерины II – прекраснейшее творение стиля ампир с многочисленными сокровищами искусства и богатейшей картинной галереей. На территории большого парка был домик, в котором Павел провёл медовый месяц. Каждый раз, проходя мимо, я поражалась убогой внешней простоте этого бывшего увеселительного дома царской семьи...

Позднее я провела 18 лет своей жизни в этом прекрасном уголке земли. Великая княгиня Александра, овдовевшая и уже очень состарившаяся, почти не показывалась на люди. А её невестка Елизавета стала покровительницей-патронессой города Павловска и нашего евангелическо-лютеранского прихода. Она – единственная из немецких принцесс – даже во время Первой Мировой войны сохранила протестантскую веру. Часто можно было видеть её в сопровождении фрейлины в нашей маленькой церкви. В день своей серебряной свадьбы она провела освящение в нашей церкви во время короткой службы, появившись об руку со своим супругом в сопровождении восьмерых цветущих детей. Великий князь и все их дети были греческо-православного вероисповедания. Будучи в постоянном контакте с нашим священником, они поддерживали связь и с членами нашего прихода.

Павловск со своим огромным парком – и с когда-то всемирноизвестными летними концертами Йоханна Штрауса и многих других – является одной из летних царских резиденций, разделённых и в то же время связанных между собой раскиданными лесопарками – на многие километры в даль.

Езда на велосипеде по гладким дорогам – в то время преимущество лишь хорошо обеспеченных семей – была наслаждением. Полчаса езды – часто встречая по пути членов царской семьи – и ты уже в *Царском Селе*, где у Николая II был пышный дворец, бывший дворец Екатерины II, предназначенный лишь для больших приёмов. Он производил безрадостное и бесплановое впечатление. Другой же дворец, в котором действительно жил царь, был *недоступен взору*: он прятался в отгороженной зоне парка. Царкосельский парк разделялся на открытую прекрасно ухоженную парадную часть и на закрытую диколесистую, пронизанную речками и искусственными прудами и теряющуюся где-то вдали.

Царское Село – город, не имеющий ничего общего со своим названием «Село царей». Скудный и пустынный, с длинными широкими улицами представлял он собой картину настоящего городка для служивых. Разнообразие взору предлагали лишь возвышающиеся тут и там отдельные дворцы Великих князей, располагавшиеся сразу же за прямыми улицами. Это выглядывающий с противоположной стороны пруда из сероватой зелени старых деревьев старомодный на вид дворец *Владимира* – сына Александра II и правнука королевы Пруссии Луизы – и его супруги Марии из Мекленбурга-Стрелица. Их сын *Андреас*, единственный из немногих Великих князей избежавший казни и проживающий сейчас в Париже, обладал прекрасной виллой среди многочисленных полей. Эта вилла напоминает английский коттедж и является подарком Виктории, королевы Англии. И как самый последний из великокняжеских дворцов в этом пригороде столицы незадолго до крушения российской империи вознёсся дворец Великого князя *Павла*, сына Александра II. Николай II говорил, что это было прекраснейшее здание в мире. А построено оно было по планам и под непосредственным руководством моего мужа, архитектора Карла Шмидта.

+ + +

Я заблудилась в своих описаниях на бесконечных просторах русской земли и российского прошлого. На это натолкнула меня заманчивая книга.

Её заголовок гласит: «Я был когда-то Великим князем» (Einst war ich ein Großfürst, Verlag Paul List, Лейпциг).

Великий князь России Александр, внук Николая I и правнук королевы Луизы, гордый званием Дома Романовых, по имени которого он себя называл (настоящее имя его было бы Гольштейн-Готтроп, ибо мужская линия Романовых оборвалась со смертью Петра II), написал книгу воспоминаний, предлагающую читателю много разнообразного и интересного.

Если отнестись к автору действительно как к члену царской семьи, что волей-неволей происходит для многих читателей само по себе, то бросятся в глаза искренность и чистосердечие, с которыми он относился к своим родственникам, включая царя, своего племянника, зятя и друга всей его жизни. Разумеется, сегодня любой может говорить откровенно и без обиняков обо всём – даже русский о России. Но Великий князь Александр излагает всё таким образом, что подразумевается, что он и ранее, в рамках своего невозможного для этого положения, высказывал тем не менее открытое мнение и критику. Он был искренним человеком. Это подводит нас сразу к общечеловеческому аспекту, и мы видим в нём человека, который при всей открытости остаётся тактичным и благородным. В нём не было ничего от мелочной злобности и едкости.

Преднамеренное чересчур строгое спартанское воспитание для закаливания и даже муштровки тела, духа и души не достигло у него своей цели: казнь на виселице, на которой мальчик обязан был присутствовать, разбудила в нём страстные чувства ужаса, потрясения и сочувствия, от пробуждения в нём которых так далёк был его наставник. Несмотря на всю муштру, Великий князь навсегда остаётся таким, каким он был в детстве: сочувствующим и стремящимся понять всё, что преподносит ему жизнь.

Эта жизнь простиралась и в далёкое прошлое. Легенды времён правления царя Александра I, брата его дедушки Николая I, предоставляли ему пищу для размышлений с самого детства. Правительства, характеристики двух царей - Александра II и Александра III - оказали влияние на его юность, стали ему понятны и близки. Коронация Александра III со своим несравненным великолепием и роскошью явилась для него вершиной - выше было некуда: там подкарауливало падение. Падение для империи, но не для него.

Он живёт и хочет жить.

Трогательна сцена на границе детства и юности, когда он, кадет на учебном корабле, нерешительно и боязливо направляется навстречу своим товарищам, переполненный страхом, что те не подпустят к себе его, великокняжеского отпрыска. Жизнь красочно шагает дальше. Перед ним налицо большие возможности – и тем не менее повсюду воздвигнуты стены, уготованные его положением. Он страстно пытается взломать эти стены и обуздать то, что кажется ему настоящей жизнью. Он добивается вечно угрожающей враждебностью деятельности на флоте, временно прерывает её на некоторое время в связи с обстоятельствами, но с величайшим упорством возобновляет снова. Он собирает огромную библиотеку трудов по навигации, основывает первую в России лётную школу, является главнокомандующим авиации не только в мирное время, но и в период Мировой войны. Снова и снова чувствует он святую обязанность помогать советами царю, которым тем временем стал его зять – но безуспешно.

Спартанское воспитание имело всё же свой смысл: оно способствовало не только желанию, но и умению работать и при том в рамках ведения царско-великокняжеского образа жизни с предписанными весенними отпусками в нестоличной резиденции, июньскими сезонами в Лондоне, летними месяцами на Черноморском побережье и зимними каникулами в Южной Франции.

И чудо состоит в том, что такому раскрытому и готовому к пониманию глазу, который действительно многое видел, часть настоящей подлинной России осталась сокрытой.

Как скоро он видит и чувствует ту пропасть, в которую катится российское правительство и глубина которой со времён правления Александра III становилась всё страшнее и страшнее, он спешно настаивает на реформах.

Он был одним из первых при Дворе, предчувствовавший грядущий крах империи.

И он оказался прав, когда поклялся: или старое самодержавное правление времён Николая I и удержание царского скипетра без колебаний - или парламент с действительным представительством от народа. Понятно, как глубоко его должно было ранить то, что реформы пришли слишком поздно и явились лишь уступками, свидетельствовавшими о слабости правительства!

Он хорошо понимал, что ужасная подымающаяся гидра анархии и нигилизма была возвращена самим правительством и его бездарными мероприятиями. Но он не мог постичь, почему эта гидра вылезла вообще. Он не мог понять, что «студенты и врачи, служащие и крестьяне» действительно не ради удовольствия повернулись к анархизму. Что знал он о глубочайшей нужде народа, которому с одной стороны не хватало школ, больниц, нормальных дорог и всего того, что из человеческого существования делает Человека, и который с другой стороны был втянут в водоворот слишком быстрого капиталистическо-индустриального кажущегося развития. Душа простого народа не знала – куда ей и как быть. Её следовало бы вести сверхчеловеческой мудрой рукой. Но для этого не хватало ведущего.

Таковы были размышления Великого князя на пороге Мировой войны и причём не всегда непредвзятые. Они не могли быть ни беспристрастными, ни справедливыми «в немецком смысле». Даже немецко-французскую войну считал он немецкой

«авантюрой» - идеально в духе и под влиянием французского двора – и взвалил вину на Бисмарка в «ущемлении и обделении» России после войны с Турцией.

Но предъявлять к нему претензии, которые он, будучи россиянином и Великим князем, *не мог* выполнить, означало бы зайти слишком далеко. Если так думать, то сначала нам самим надо удивиться и поразиться любви к справедливости и правде, которые таились в этом представителе немецкой враждебной державы. Потрясённый спрашивает он сам себя в начале «народной» для России войны (русско-японская война не была «народной»):

Почему же эта война народная?

С каких пор наши солдаты, происходившие главным образом из деревень, начали *ненавидеть немцев* – и именно тот народ, перед которым они во все времена испытывали лишь чувство удивления и уважения? А Бельгия? Кто вообще из простого люда знал, что существует такая Бельгия? И кто и когда в России готов был покинуть свой очаг и пойти на войну лишь для того, чтобы вернуть Франции кусок Эльзас-Лотарингии? Как может правительство, несущее ответственность перед своей нацией, допустить, чтобы мы сражались бок о бок с Англией, этим заклятым врагом русской империи?

Вряд ли что больше можно ещё добавить к характеристике Великого князя. Открытый и честный, трудолюбивый и справедливый, стремившийся к действительности и истинности, не святой и ни в коем случае не ханжа, но сердечный человек, который главным образом хотел стать Человеком – таким обращается он к нам со страниц своей книги. Такому человеку есть что и надо сказать другим, особенно если он может хорошо описывать и приковывающе излагать. И закрываешь прочитанную книгу не без внутреннего потрясения от исповеди человека, который стоял на огромной высоте и не был при этом ослеплён, а сорвавшись в пропасть, не омрачил своего сердца. Итогом всей своей жизни признаёт он желание увидеть широко распространившуюся религию Любви.

(Перевод Ирины Лейнонен)

Рецензия на книгу: Великий князь Всея Руси «Я был когда-то Великим князем», издательство Paul List Verlag, Лейпциг, 16-18 тираж, 1932 г.

Рецензия опубликована в «Вестфелише Цайтунг», Билефельд, 19-20 декабря 1934 г.

Rezension zu: Großfürst Alexander von Russland: **Einst war ich ein Großfürst**, Paul List Verlag Leipzig 16.-18. Aufl. 1932, erschienen in: Westfälische Zeitung, Bielefeld, 19./20. 12. 1934.